
УДК: 17.021.2

ПЕТРОВА Т.Г.¹ Н.А. БЕРДЯЕВ ОБ ИТОГАХ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ПИСАТЕЛЕЙ В ЗАЩИТУ КУЛЬТУРЫ (ПАРИЖ, 1935) И СВОБОДЕ ТВОРЧЕСТВА.

DOI: 10.31249/lit/2021.01.09

Аннотация. Бердяев так же, как русская литературная эмиграция, ждал от Международного конгресса писателей принципиального разговора о свободе, гуманизме, правах личности. Однако Конгресс не оправдал надежд интеллектуальной элиты русского зарубежья. По мысли Бердяева, наступила эпоха «глубокого кризиса свободы», тогда как именно «духовное понимание свободы», предполагающее в человеке элемент, независимый от государства и общества, «может спасти свободу».

Ключевые слова: Конгресс писателей; защита культуры; Н.А. Бердяев; свобода творчества; русская эмиграция; Г.В. Адамович; А.Л. Бем; угроза фашизма; коммунизм; французские писатели; А. Жид; А. Мальро; профетическая свобода.

PETROVA T.G. N.A. Berdyaev on the results of the International congress of writers in defense of culture (Paris, 1935) and creative freedom.

Abstract. Just like the Russian literary emigration generally, Berdyaev expected at the International Congress of Writers a fundamental discussion on freedom, humanism and rights of individuals. However, the Congress did not meet the hopes of the intellectual elite of the Russian diaspora. According to Berdyaev, an era of the «deep crisis of freedom» has begun, while it is precisely the «spiritual understanding

¹ Петрова Татьяна Георгиевна – старший научный сотрудник отдела литературоведения Института научной информации по общественным наукам РАН.

of freedom», which presupposes in a person an element independent of state and society, that «can save freedom».

Keywords: Congress of writers; defense of culture; Nikolai Berdyaev; creative freedom; Russian emigration; G.V. Adamovich; Alfred Bem; the threat of fascism; communism; French writers; A. Gide; A. Malraux; «prophetic freedom».

Для цитирования: Петрова Т.Г. Н.А. Бердяев об итогах Международного конгресса писателей в защиту культуры (Париж, 1935) и свободе творчества // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7 : Литературоведение. – 2021. – № 1. – С. 99–106. – DOI: 10.31249/lit/2021.01.09

Международный конгресс писателей, проходивший в Париже в июне 1935 г. и собравший свыше 200 делегатов из 35 стран, привлек пристальное внимание русской литературной эмиграции, следившей за выступлениями всех его участников с первых дней открытия форума [7; 8]. Конечно, на конгрессе, который был инициирован и финансирован Москвой, русские писатели, оказавшиеся в изгнании, не могли получить трибуну. Они ждали от писателей других стран, собравшихся для защиты культуры в тревожное время нарастания фашистской угрозы, принципиального разговора о свободе, гуманизме, правах личности...

Однако конгресс в целом, по мнению Г.В. Адамовича, высказавшего свою позицию в послесловии к конгрессу в парижской газете «Последние новости», не стал «огромным явлением», хотя и был интересен «как симптом, как показатель напряженнейшего идейного и политического разлада, объявшего Европу» [1]. Оценка Г. Адамовича сводилась к следующему: «По существу, конгресс даже исказил, умышленно упростил положение вещей, представив (или пытаясь представить, – в лице его инициаторов) дело так, будто сейчас в мире всего две силы, смертельно друг другу враждебные, фашизм и коммунизм, и кто против одного, тот, следовательно, с другой» [1]. Тогда как силы эти «не так враждебны, им есть на чем столкнуться», – и подлинная «демаркационная линия» проходит вовсе не там, где намечало ее большинство ораторов. Положение человека в мире, по мысли Г. Адамовича, трагичнее, чем было представлено на конгрессе, – «трагичнее и сложнее». «Какой след оставило христианство», как мучительна и трудна

«перестройка», «длящаяся уже несколько сот лет, на иных, еще неясных основаниях», на конгрессе, посвященном кризису культуры, об этом не было сказано ни слова [1].

Размышления Г. Адамовича о прошедшем конгрессе в защиту культуры, не оправдавшем надежд интеллектуальной элиты русского зарубежья и, в условиях надвигавшейся фашистской угрозы, не сумевшем поднять многие важнейшие проблемы, среди которых «писатель и власть», перекликаются с высказываниями других свидетелей этих событий [7]. Так, А.Л. Бем назвал прошедший конгресс и его результаты «похищением Европы», ибо европейская интеллигенция, «напуганная фашизмом, готова броситься в объятия коммунизма» [2]. Но если она, действительно, захочет «бороться “против всякой опасности, угрожающей цивилизации”, то рано или поздно произойдет отрезвление и отход от советской России»; «если же “похищение Европы” удалось советским стратегам окончательно, то большинство европейских человеколюбцев испытают на себе все прелести пролетарского гуманизма. Мы им этого не желаем», – предупреждал А. Бем [2].

Н.А. Бердяев, размышляя о прошедшем Конгрессе, писал, что он «наводит на печальные мысли о социальном значении лжи», которую философ понимает как «ложь, признанную социально полезной в борьбе» [3, с. 56]. Под знаком этого деления на два мира стоял и конгресс писателей, которые, «чтобы бороться за свободу слова и культурного творчества против насилий фашизма, особенно фашизма немецкого, объединились с коммунистами»; в действительности, пишет Н. Бердяев, «и тот и другой есть явление господства масс, выдвигающих своих вождей, есть коллективизация сознания и совести, отрицание ценности человеческой личности и свободы духа, абсолютизация государства, которое делается тоталитарным, примат государственного, экономического и технического строительства над творчеством культуры, допущение каких угодно средств для реализации своих целей» [3, с. 56–57].

Поэтому на конгрессе, как писали и Н. Бердяев, и Г. Адамович, и А. Бем, «происходило непрерывное недоразумение по вопросу о свободе»: «Западно-европейское понимание свободы, связанное с традициями гуманизма, и советско-коммунистическое понимание совершенно разные вещи»; ложью стало «убеждение многих французских писателей в существовании в Советской Рос-

сии свободы творчества» [3, с. 57]. Русская эмиграция была разочарована тем, что «писатели всех стран, соединившиеся для защиты свободы творчества против насилия над словом и мыслью, не протестовали против отрицания свободы в Советской России», страны «принудительного, сверху организованного единства мысли, творчества, слова, страны совершенного тоталитарного государства, претендующего владеть человеческими душами» [3, с. 57–58].

Размышляя о социалистическом понимании свободы, Н. Бердяев писал о том, что это – «свобода под диктатурой определенного мирозерцания, из которого нельзя вынуть ни одного камня», она «не дает ни малейшей свободы тем, которые уклоняются от единоспасающей веры, от единственной истинной доктрины, она лишает своих противников всех человеческих прав»; при этом свобода при социализме «должна служить коммунистическому государству и ортодоксальной коммунистической вере» [3, с. 59]. Такое понимание свободы, по мнению Н. Бердяева, религиозного и политического философа, обосновавшего свою концепцию философии свободы [4, 5], присуще и национал-социализму, и оно при этом «есть извращение истины, возвещенной Евангелием», и «это симптом конца новой истории» [3, с. 59]. Наступила эпоха «глубокого кризиса свободы», которая, по мысли философа, «изолгалась, не исполнила своих обещаний» и «агонизирует в современном мире», тогда как исключительно «духовное понимание свободы, предполагающее в человеке элемент независимый от государства и общества, может спасти свободу» [3, с. 59, 60].

В книге «Смысл творчества (Опыт оправдания человека)» [4] Н. Бердяев писал о том, что «творчество неотрывно от свободы», оно из нее рождается, а «тайна творчества есть тайна свободы» [4, с. 138]. При этом «свобода – положительная творческая мощь, а не отрицательный произвол», являющийся грехом, подчеркивал философ. «Свобода, осознанная исключительно формально, без цели и содержания, есть ничто, пустота, небытие»; греховность «свободы для свободы» и в том, что она свобода «от», а не свобода «для» [4, с. 141]. «Отпадение от Бога» лишает свободу содержания и цели, но истинная творческая свобода продолжает дело «Божьего творения», а не бунтует «против Бога в отрицательном произволе», и потому есть «две свободы» – божественная

и диавольская [4, с. 142]. Человек должен реализовать себя с помощью творчества, именно в нем проявляется подобие человека Творцу. Однако человек, по Н. Бердяеву, остается подлинно человеком, лишь когда он сыновен Богу, а не обоготворяется сам.

Европейские писатели в условиях кризиса «буржуазной цивилизации» и культуры, пытавшиеся защитить и свободу, и культуру, согласно мысли Н. Бердяева, обращались «к вновь образующемуся в России миру, обнаруживающему огромную витальную силу, необычайно динамическому»; они думали, что «в этом далеком и непонятном, но влекущем их мире Востока раскроется новая свобода, не старая опостылевшая свобода, которая лишь мешает творческому изменению жизни, а свобода способная изменить лицо мира» [3, с. 60]. Отсюда становятся понятны иллюзии Андре Жида и Андре Мальро. «Безграничная свобода слова и мысли французских писателей перестала быть ценностью, она перестала даже ими ощущаться», тогда как ощущается лишь «одиночество, ненужность, истощенность и пресыщенность», и потому утонченные французские писатели «хотят омолодиться через прививки юной коммунистической России» [3, там же]. А. Мальро, который, по мнению Н. Бердяева, произнес самую талантливую речь на съезде, был склонен понимать свободу «как согласие с окружающей социальной средой», что равносильно пониманию под свободой «выхода из одиночества», преодоления «сознания своей нужности для масс» и способности «слияния с ними». Однако такое понимание свободы хотя и «объяснимо психологически», но означает «непонимание того, что значит свобода» [3, с. 60, 61].

И здесь Н. Бердяев вводит важнейшее, в его представлении, понятие «профетическая свобода», которая «связана с профетической миссией слова и мысли». Подлинные деятели культуры, отмечает философ, «должны чураться государства, как чумы», ибо государство может либо преследовать, утеснять писателей и мыслителей, делать их мучениками, либо покровительствовать им, подкупать их, превращая в своих слуг и этим деморализовывать. Идея социального служения литературы и искусства, в которой Н. Бердяев видел «большую истину, утерянную европейской элитой», совершенно не означает исполнение «социального заказа государственной власти», а является вольным, профетическим служением [3, с. 61]. Профетизм, согласно Н. Бердяеву, противо-

положен всякому конформизму и приспособлению к среде; профетический тип существует не только в религиозной жизни, но и в искусстве, философии, социальном реформаторстве, он вечен, хотя его и «отрицают все современные тоталитарные государства и общества, требующие принудительного единства». Творец профетического типа в сущности «никогда не может быть вполне лоялен в отношении к какому-либо обществу и государству, он не принадлежит ничему конечному, он принадлежит лишь Богу, лишь истине и правде, которым его научает внутренний голос»; «пророк принадлежит Царству Божьему, а не царству кесаря, хотя бы оно признавалось священным» [3, с. 62].

«Жуткое одиночество культурной элиты Европы, – продолжает Н. Бердяев, – совсем не было профетическим одиночеством», оно, напротив, было связано с «потерей идеи служения, идеи призвания» и означало, что «голос свыше перестали слышать», ведь существенный признак профетизма в том, что он «глубоко социален» и вместе с тем «противоположен всякому конформизму», находится «в конфликте и героической борьбе, он есть обличение того народа, которому призван служить» [3, с. 63].

Н. Бердяев считает необходимым принять социальные результаты революции и исходить из них, но ему «трудно принять ее духовные и интеллектуальные результаты». В советских писателях он не видит ничего революционного.

Вопреки мнению Андре Жида, утверждает Н. Бердяев, «коммунистическое царство» теоретически и практически отрицает реальность и ценность всего частного, индивидуального, личного, для него ценно и реально лишь «общее»: «Все, что не общее, принудительно подавляется. Вы не можете мыслить, судить, творить в конфликте и противлении с “общим”» [3, с. 58]. Его поражает наивность и иллюзия А. Жида, который играл центральную роль на конгрессе. Присоединение к коммунизму гуманиста и индивидуалиста А. Жида, «самого асоциального из писателей Франции, есть очень значительный факт в драме, переживаемой европейской культурной элитой», – заявил Н. Бердяев [там же].

Писатель в своей речи на конгрессе «продолжает называть себя индивидуалистом», «понимает коммунизм, как организацию социальной возможности расцвета индивидуума»; он, как типичный француз, «хочет соединить Маркса с Монтенем», что как раз

и «затрудняет понимание русского коммунизма, который есть синтез Маркса не с Монтенем, а с Иоанном Грозным», — пишет Н. Бердяев. А. Жид, конечно, не приемлет тоталитарный коммунизм, целостное коммунистическое мирозерцание, «он берет в коммунизме то, что ему нравится», хочет «сохранить за собой свободу творчества, свободу суждений в вопросах, не касающихся социального устройства, где он готов подчиниться коммунизму». В понятие свободы для него «входит право печатать свои произведения или, например, распространять Евангелие, которое он продолжает любить» [3, с. 58].

Андре Жид, по словам философа, «хочет спастись, соединив свой индивидуализм и свою утонченную культуру прошлого с коммунизмом», желает «избежать участи интеллектуального слоя в русской революции», но этот тоталитарный коммунизм, «требующий себе абсолютной покорности», с индивидуализмом А. Жида не соединим, предупреждал Н. Бердяев [3, с. 64] и говорил также, что это раньше или позже выяснится... И действительно представления А. Жида во многом изменились во время поездки в СССР летом 1936 г. Его книга «Возвращение из СССР» (1936) стала концом романа писателя с коммунизмом.

В 1935 г. в своей речи на конгрессе А. Жид противопоставил искусственности и лжи естественность и правдивость, отмечает Н. Бердяев: «Он видит в русском коммунистическом мире эту естественность и искренность, которые его радуют. Он утомлен ложью и искусственностью своего собственного мира». Однако следует вспомнить, что вся великая русская литература «была проникнута искренностью, простотой и естественностью», и это исконное ее качество не имело отношения к коммунизму. Лишь в начале XX в. «в утонченной культурной элите, связанной с символистским течением, было чувство оторванности и изолированности, разрыв с социальным целым»; в XIX в. у русских писателей «было сознание долга и служения, профетического служения» [3, с. 65]. И это — русское, а не коммунистическое, подчеркивает Н. Бердяев. Русская дворянская и разночинная интеллигенция никогда не была буржуазной, и отвращение к «буржуазному духу» есть специфически русский мотив, а все русское мышление и творчество XIX в. «было проникнуто стремлением к целостности», что «противопоставляло ее западной расчлененности и рациона-

лизму». Этим духом были проникнуты не только народники-социалисты, но и славянофилы, Л. Толстой, Ф. Достоевский, русская философия. «Русская тема иная, чем тема западная. Это нужно понимать и это плохо понимают писатели Запада, которые своеобразие России склонны приписывать исключительно коммунизму», – заключает Н. Бердяев.

Список литературы

1. Адамович Г. Послесловие к «конгрессу» // Последние новости. – Париж, 1935. – 26 сент. ; 3 окт.
2. Бем А.Л. Похищение Европы // Меч. – Варшава, 1935. – 8 сент.
3. Бердяев Н. О профетической миссии слова и мысли (к пониманию свободы) // Новый град. – Париж, 1935. – № 10. – С. 56–65.
4. Бердяев Н.А. Смысл творчества (Опыт оправдания человека). – Москва : Изд-во Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1916. – 358 с.
5. Бердяев Н.А. Философия свободы. – Москва : Путь, 1911. – 280 с.
6. Международный конгресс писателей в защиту культуры. Париж, июнь 1935 : доклады и выступления. – Москва : Гос. изд -во худ. лит., 1936. – 494 с.
7. Петрова Т.Г. Конгресс писателей в защиту культуры (Париж, 1935) в оценке советской и эмигрантской критики // Русское зарубежье : История и современность : сб. ст. / гл. ред. Мухачёв Ю.В.; ред.-сост. Петрова Т.Г. – Москва : ИНИОН РАН, 2011. – Вып. 1. – С. 213–220.
8. Петрова Т.Г. Парижский Конгресс писателей в защиту культуры (1935) главами русских парижан // Литературное зарубежье как культурный феномен : сб. науч. тр. / отв. ред. Петрова Т.Г. – Москва : ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 2. – С. 117–125.